

Александр Валентинович Амфитеатров

Измена

Александр Валентинович Амфитеатров

Измена

Аннотация

«Еще солнце и земля не родились, а Измена жила уже на свете. Дымною струей ползла она во мраке хаоса, скрываясь от Духа, когда Он благотворным ураганом носился над буйным смешением стихий.

Дух мыслил, и мысль Его становилась мирами...»

Александр Валентинович Амфитеатров Измена *(Сицилийская легенда)*

Еще солнце и земля не родились, а Измена жила уже на свете.

Дымною струей ползла она во мраке хаоса, скрываясь от Духа, когда Он благотворным ураганом носился над буйным смешением стихий.

Дух мыслил, и мысль Его становилась мирами.

Огонь пробивал жаркими языками воду. Вода боролась с огнем. Из паров рождались каменные громады. Облитые реками расплавленных металлов, рушились они в неведомые бездны и, таинственно повиснув в безвоздушном просторе, покорно ждали – когда творческое слово обратит их в яркие светила.

«И был свет».

Первый день озарил небо небес: перевозданный престол Творца и тьмы тем ангелов, смиренно склоненных пред ним.

А внизу, в неизмеримых глубинах, трепетала и таяла побежденная тьма, волновалось и пенилось огненное море. Подобно островам, чернели в нем мертвые, еще не зажженные,

солнца; как огромные киты, плавали вокруг них остовы будущих планет.

Величественный дух стоял на земной скале, любуясь, как пламенные волны разбивались у ног его снопами искр и брызгами лавы.

Этот дух был любимым созданием Творца, ближайшим отражением Его света. Когда Творец воззвал его из ничтожества, он заблистал, как тысяча солнц, и Создатель, довольный плодом своей мысли, сказал:

– Живи и будь вторым по мне во вселенной!

Дух был могуч, свободен и счастлив. На его глазах зиждились миры. Он был лучшим работником, вернейшим исполнителем и помощником воли Творца. Величие Владыки внушало ему благоговейный трепет, а собственная сила и власть – радостное довольство.

Творец повелел духу лететь на землю и вещим словом превратить голые скалы и черные пропасти в лучший из миров.

Дух спустился на планету, – и величие открывшейся очам его огненной бездны очаровало его. Недвижно стоял он, испытывая взорами пестрые переливы паров и пламени, слушая грохот незримых молотов, вылетающий из огненной хляби.

Рева и качаясь, поднялся над пучиною темно-багровый вал. Как язык в колокол, ударился он о кручу горы, где стоял могучий дух, и рассыпался грудой угля и пепла. Тонкая

струя смрадного дыма потянулась снизу вверх, сквозь трещины гранита, подползла к стопам духа и лизнула его колена.

Дух затрепетал, внезапно исполнившись неведомых доселе чувств и мыслей. Он точно впервые увидел и мир, и Бога, и самого себя. И все нашел он мрачным и враждебным, а свою долю – презренною и безрадостною. Гордые мечты охватили его. Он не мог понять, что с ним делается, но ясно чувствовал, как любовь и благодарное самодовольство навеки уходят из его сердца, как, на место их, громко стучатся властолюбивая зависть и гневная ненависть.

Он был так смущен, что позабыл вверенное ему вещь слово. Когда быстрые крылья унесли его в небо небес, печальная планета оставалась такою же нагою и скудною, огненное море так же бешено клокотало вокруг нее, как прежде. А на вершине горы, покинутой омраченным духом, легла тяжелая серая туча, и в ней, свернувшись, как змея, спала и ждала новой жертвы Измена.

И снова прилетел на землю могучий дух, и другой дух – такой же прекрасный и блистательный – был с ним. Обнявшись, сидели они на камне, и первый шептал:

– Азраил! брат мой! друг мой! товарищ! Вверяю тебе мою тайну, вверяю тебе мою судьбу. Знай: я устал быть слугою, когда могу быть господином. Я наделен могуществом без границ. Неужели оно дано мне лишь для того, чтобы я рабски творил чужую волю, когда в уме моем так много своих

мыслей и желаний? Сила не может быть обречена на жизнь себе наперекор. Гордость и могущество – родные братья. Я проклиная свой жребий, я презираю себя, когда вспоминаю, что я – безвольное ничто: орудие и только орудие! – такое же, как вот эти пламенные волны и каменные глыбы, из которых мы, служебные духи, извлекаем, сами не зная зачем, звезды, планеты и луны. Мы бессмертны, но меня приводит в ужас мое бессмертие... вечность безответной покорности и бессознательного труда! Если так сильно страдаю я – любимец Творца, больше всех жителей неба посвященный в Его тайны, – что же должны чувствовать вы, безгласные духи низших ступеней? Азраил! я решил сбросить с плеч тяготящее нас иго. Будем братьями! заменим свободным союзом дружбы невольный союз подчинения. Нас много. Повелитель – один. Он могуч, но разве Он не распределил между нами большую часть своего могущества? Тысячи братьев обещают мне помощь. Будь же и ты, друг Азраил, моим союзником в брани и победе! И – клянусь этим огненным морем, – когда я стану главою вселенной, ты получишь в обладание отдельный мир, где будешь царем и богом.

Слова изменника тронули Азраила. Он воскликнул:

– Ты прав, Сатана. Пора нам трудиться на самих себя и самим пожинать плоды и славу своих подвигов. Я твой и буду помогать тебе всею властью, которую неосторожно наделил меня Повелитель.

Сатана обнял друга и, сверкая одеждami, сотканными из

молний, улетел с земли. Азраил же, глядя вслед ему, думал: «Ты очень силен, Сатана; твои крылья покрывают полмира. Но Творец сильнее тебя: Он наполняет мир. Твои замыслы – вздор. Ты погибнешь со всеми своими соумышленниками. Не пойду за тобою, сколько бы миров ты мне ни сулил. И я честолюбив, но знаю свои силы. Сатане мало быть вторым в мире, с меня же – в избытке довольно. Что, если я припаду к ступеням трона Творца и расскажу Ему о происках, быть может успевших укрыться от Его всеведения? Не отдаст ли Он мне, в награду за услугу, всю власть и милость, которыми обречен Сатана?..»

Грозною тучею падал с небес предводитель мятежных духов – черный, как уголь, от опаливших его громов. Он падал вниз головой, и пылающие волосы его висели, качаемые вихрем, как хвост заблудившейся в небе кометы. Он падал – и смотрел в небо. Мрачно пробегая взором ряды торжествующих ангелов, он еще грозил, еще проклинал. И вот в этих светлых рядах он увидел Азраила: того, кому, как другу и товарищу, поведал он свою тайну; кто лицемерно славословил его замысел, отдавал в его распоряжение свою власть и волю, и... предал его, – вместе с сонмами увлеченных Сатаной и теперь, как он, проклятых духов!

Увидал – и уже не отводил взора. Через тысячи тысяч миль почувствовал Азраил этот взор на лице своем. Его щеки поблекли и выцвели, сожженные презрением обманутого друга. Тщетно хотел он бежать: крылья бессильно, как под-

шибленные, висели за его спиной. Он старался отворотить лицо и не мог, оцепененный проклятием, которое, без слов, посылали ему полумертвые очи погибшего духа. Все ниже и ниже падал Сатана – и, чем глубже он падал, тем грознее становился его страшный взгляд и тем бледнее становился его предатель. И только когда Сатана, умалившись, как ласточка, исчез в слое надземных облаков, Азраил осмелился поднять свое лицо, белое, как эти облака. И румянец никогда уже не возвратился на его ланиты...

Сатана упал на ту самую гору, где настигла его первая отравка Измены. Как труп, лежал он на горе, изнывая от боли, злобы, тоски и страха одиночества. Тогда пришла к нему Измена и поклонилась ему, говоря:

– Радуйся, сын мой и господин! встань, обопрись на мою руку и – будь князем мира сего! Земля даст тебе все, в чем отказало небо.

Воспламененный коварными словами, падший ангел воспрянул с новой дерзостью в уме, с новыми гордыми мечтами, снова готовый строить хитрые ковы новой борьбы. Он воскликнул:

– Пусть же эта планета будет моей столицей, эта гора – моим дворцом. Отсюда – в пламени и громе – буду я править вселенной.

Он топнул. Огненная пропасть открылась под его ногами и поглотила его.

В той горе живет он и поныне среди послушных ему ду-

хов. Когда на земле появились люди, они назвали гору Этною. Далеко на все четыре стороны света виден великолепный дворец злого духа, одетый, как малахитом, зеленью сочных виноградников, венчаный серебряною кровлею вечно снежных вершин. Днем, как черное знамя, веет над Этною дымное облако; ночью – небо рдеет заревом огней на подземных пиршествах Сатаны.

Азраилу же Творец, Который читает мысли людей и ангелов как раскрытую книгу, сказал:

– Ты был Мне верен, но – не от чистого сердца. Ты открыл Мне злой умысел Сатаны не по долгу и любви ко Мне, но ради выгоды. Ты изменил Сатане, как Сатана – Мне. Им Измена вошла в мир, а тобою продолжилась. Я должен наградить тебя, но награда твоя да будет тебе и наказанием. Ты жаждал могущества Сатаны. Я дам тебе страшную власть, но она будет ужасом и для тебя самого. Ты останешься ангелом, но мир будет ненавидеть тебя, как злого духа. Твои речи пробудили Мой первый гнев, – будь же отныне и до века носителем и орудием моего гнева! Ты последуешь за Сатаной и разделишь с ним власть над землею. Он понес на землю грех и преступление, ты понесешь наказание за грех: смерть! Пусть каждый, кто увидит твой бледный от стыда и страха образ, знает, что земной век его кончен, и спешит примириться со Мною – своей вечной совестью... Лети на землю, серп Моей жатвы! Лети в мир, ангел смерти!